

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ДУША МОСКВЫ

Моск. правда - 1997 - 21 марта - с. 15.

ВЗГЛЯД

Пусть мой в мастерскую художника шел по старинной Солянке, по прихотливо извилистым древним Ивановским переулочкам, где все — воспоминания о давней Москве, о всех этих кулишках, вражках, песках и глинищах, о пожарах и сирени... А в мастерской висело по стенам все, о чем я думала, идя сюда. Наверное, так нельзя сказать: мысли не могут висеть на стенах, но картины

Бориса Бомштейна изображали именно воспоминания о старой Москве. Два десятка лет работает он в том районе и не может равнодушно ходить мимо Ивановского монастыря, основанного матерью **Ивана Грозного**, помнящего слезы княжны **Таракановой**, мимо старинных церквей и домов.

— Я убежден, — говорит художник, — что в таких местах, как Солянка и ее переулки, где люди жили много веков, сохранилась высокая духовность, насыщенная энергетика. Знаете, как бывает: люди давно ушли, но ветер еще носит над переулками шум их шагов, обрывки разговоров и мыслей. Образы прошлого материализуются, потому на моих картинах можно увидеть людей в старинных костюмах, прогуливающихся по современному городу. И хотя почти все перестроено, изменился даже рельеф местности, но душа старой Москвы живет в этих местах. На Воронцовом поле в сумерках вижу я чудеса, похожие на булгаковские; в зависимости от времени дня и погоды неузнаваемо меняется Солянка, дворики в глубинах переулков живут собственной жизнью вне времени и пространства.

Пейзажи Москвы, города, в который влюблен художник, — лишь одна сторона его творчества. Сам он делит свои работы на три части. Первая — Москва, вторая — театральные композиции и третья — фантазии. Надо сказать, что Борис Юрьевич начинал как театральный художник, оформляя спектакли Театра Моссовета, "Ленкома", ТЮЗа. Он даже играл на сцене, потом отошел от театра, увлекся исключительно живописью, но не зря умудренные опытом люди театра говорят, что от Театра не уйдет. Вернулся к нему и Бомштейн. Пьесы **Шекспира**, **Мольера**, **Лопе де Вега**, **Гоголя** стали его любимым чтением. И рождались картины, похожие одновременно на эскизы декораций, иллюстрации и размышления о жизни драматургов и их героев. Городничий и его семейство в счастливом заблуждении, страшный **Ричард III**, Агафья Тихоновна в окружении незадачливых женихов. Многие картины навеяны образами **Шолома-Алейхема**, смешными и трагическими, а поскольку художник очень любит театр, то более всего изображает сюжеты "Блуждающих звезд".

Отдельно я выделила бы серию картин, посвященных Израилю. Удивительно, но мне они напо-

минают пейзажи Москвы на полотнах Бомштейна. Конечно, акварельная Москва с ее просветленным небом, с ее речками и каналами не может быть похожей на пустыни Иерусалима, его кремлевские стены и тысячелетние храмы, но объединяет их какая-то особая духовность, энергия веры что ли. Может быть, от того, что в Израиле зародилось христианство, а Москва стала оплотом православия?

"Фантазии" не имеют никаких отражений реального мира. Они рождаются из ничего — из дневной суеты и ночных мыслей, из вдохновения и сомнений. На полотнах этой серии — ирреальный мир, иллюзорное пространство, в котором люди не связаны друг с другом. Невозможно понять, в какой стране, в какое время живут эти персонажи.

— Каждый день я спрашиваю себя: зачем я рисую? — говорит Борис Бомштейн. — Я не могу не рисовать, мне это необходимо, как дышать. Но хороши ли мои картины, нужны ли они кому-нибудь? Очень долго работы казались мне слабыми, непрофессиональными, я долго не выставлял их, но и дома держать не мог. Я вообще не люблю смотреть на свои картины — те чувства, что я вложил в них прошли, а в картине они продолжают жить, напоминают о том, что я хочу забыть. Я не стремлюсь кого-то удивить своей живописью, не хочу

ни с чем и ни с кем сравнивать свои картины, пусть они будут только моими. Каждый новый холст таит загадку. Подходя к мольберту, я никогда не знаю, чем все это закончится, что получится на холсте. И самая большая радость — этого не знать! По-моему, искусство — это космическая энергия, которая через художника воплощается в картине. Как уловить ее? Много лет я пытаюсь понять, но откровение всегда приходит неожиданно. Однако надежда уловить, остановить это мгновение не покидает меня.

— Кто были ваши учителя?

— Настоящим учителем я могу назвать лишь одного — **Юрия Рязжского**. Он преподавал в Московском театральном художественно-промышленном училище, где я учился до Строгановки. Он был педагогом от Бога, прекрасно нас понимал, кстати, был братом знаменитого живописца **Георгия Рязжского**. Уж не знаю, чем я его привлек, но он уделял мне особое внимание. Однажды позвал к себе домой и дал единственный урок живописи, урок на всю жизнь. То, что я скажу дальше, конечно же, прозвучит банально: природа — главный учитель

художника. Это скажет вам любой живописец, но это так. В природе есть все — любые формы и цветовые сочетания. Эту истину каждый обязательно открывает для себя сам. Один рано, другие едва ли не в конце жизни. Даже когда я пишу "фантазии", природа дает начало творчеству, хотя в этих работах нет ничего от натуры. Пытаюсь понять себя и окружающих, я часто пишу портре-

ты — автопортреты, портреты жены, сына. Иногда — портреты вообще, образы, возникающие в воображении. Однажды я написал такой портрет, а на одной из выставок ко мне подошел человек и сказал, что на холсте лицо его сына, погибшего в Афганистане. Так бывает. Но портрет — не только изображение человека. Для меня любой предмет — портрет. Я пишу Солянку, на которой каждый дом — портрет, окна — как глаза. В природе портрет — дерево со своей жизнью, голосом, и камень — портрет. Везде я вижу завершенные картины. Мое дело только запечатлеть их, может быть, срежиссировать. Я думаю, что каждый художник — режиссер своих картин. Он строит мизансцены из того, что дает ему окружающий мир.

— Когда вы считаете, что картина получилась?

— Когда хоть один человек нашел в ней что-то близкое для себя. Картина — это пространство, в котором можно путешествовать, находить свои переживания, мысли, воспоминания. Но главный мой судья — сын, он тоже художник и очень тонко чувствует живопись. Если он одобряет — я доволен.

Татьяна БАСОВА.

На снимках: "Солянка", "Мертвые души".